

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО ЮКАГИРОВ В НАЧАЛЕ XX в.

YUKAGHIR'S TRADITIONAL ECONOMY BEGINNING OF TWENTIETH CENTURY

V. Shadrin

Annotation

The article devotes to the Yukaghir's traditional economy beginning of the twentieth century. Author gives the characteristics of the annual economic cycle, particularly describes reindeer herding, hunting and fishing, characterizes Yukaghir ways of hunting wild reindeer and molting geese, reveals differences between economy of forest and tundra Yukaghirs.

Keywords: The tundra and forest Yukaghirs, traditional economy, the annual economic cycle, reindeer herding, hunting, fishing, hunting to wild reindeer.

Шадрин Вячеслав Иванович

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, Якутск*

Аннотация

Статья знакомит с традиционным хозяйством юкагиров начала XX в. Дана характеристика годового хозяйственного цикла. Подробно описаны способы ведения оленеводства, охотпромыслов и рыболовства. Рассмотрены характерные для юкагиров способы охоты на дикого оленя и линных гусей. Выявлены различия в хозяйствах тундренных и лесных юкагиров.

Ключевые слова:

Тундренные и лесные юкагиры, традиционное хозяйство, годового хозяйственный цикл, оленеводство, охотпромыслы, рыболовство, охота на дикого оленя.

Юкагиры – один из коренных малочисленных народов Севера, относящийся к древнейшему населению Восточной Сибири и в традиционной культуре сохраняющей архаические черты. Юкагиры делятся на лесных и тундренных, различающихся языками, хозяйством, культурой.

Тундренные юкагиры в основном проживают в Нижнеколымском, Аллаиховском, Усть-Янском районах Республики Саха (Якутия) и Билибинском и Анадырском районах Чукотского автономного округа, лесные – Верхнеколымском и Среднеколымском районах Республики Саха (Якутия) и Среднеканском районе Магаданской области.

В начале XX в. юкагиры относились к одним из самых отсталых групп населения с низким социальным статусом. Постоянные голодовки, частые опустошительные эпидемии, ясачный гнет, вытеснение с угодий, разорительные отношения с торговцами поставили юкагиров перед угрозой вымирания. В.И. Иохельсон, описывая в своих работах традиционное хозяйство и быт, материальную, духовную культуры и язык юкагиров, писал, что этот народ находится "на грани полного физического и этнического исчезновения" и что "...через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах" [4, с. 24; 3, с. 31].

К началу XX в. хозяйства лесных и тундренных юкагиров уже серьезно различались, хотя и оставались натуральными. Для тундренных юкагиров основой существо-

вания оставалась охота на диких оленей, рыболовство и другие виды охоты носили второстепенный характер. Для лесных юкагиров важную роль играли охота на лосей и рыболовство, а охота на диких оленей с начала XIX в. перестала играть важную роль в связи с изменениями маршрутов миграций, выполняя только подсобную роль при заходе дикарей в места проживания юкагиров. Для обеих групп юкагиров сохранялась особая роль охоты на пушнину, необходимой для выплаты ясака.

У юкагиров встречалось домашнее оленеводство, имевшее транспортное значение. На хозяйство в среднем приходилось до 10 оленей. Некоторые зажиточные роды имели до 100–150 голов. Исключением в начале XX в. был Николай Курилов, стадо которого достигало 1000 голов. Считалось, что он разбогател, собрав оленей чукотских родов, погибших от эпидемии оспы [8, с. 58]. В.И. Иохельсон упоминает о крупных табунщиках Индигирки – юкагирах, ассимилированных эвенками. Один из них владел стадом в 800 голов, про другого рассказывали, что у него оленей около двух тысяч [4, с. 512]. Транспортное оленеводство встречалось и у некоторых верхнеколымских родов.

К началу XX в. юкагиры, особенно тундренные, продолжали себя воспринимать как охотников на дикого оленя. Имея постоянную территорию кочевания и промысла, нижнеколымские юкагиры выпасали своих домашних оленей в определенных местах, чтобы сохранить пастбища для дикого. Сами люди до начала сезона охоты на эти пастбища без нужды не заходили, чтобы дикий

олень не учуял запаха человека [5, с. 84]. Для промысла дикого оленя имелся четкий запрет: на оленя не охотились от его отела до начала августа [5, с. 77].

Наиболее архаические способы промысла сохранялись в тундре еще в начале XX века и предполагали коллективную охоту.

Одной из таких форм была загонная охота, когда стадо оленей загонялось в озеро, возле которого олени спасались от жары и насекомых, собираясь в крупные стада. В воде олень был куда менее маневрен, нежели охотник на челноке, к тому же, убитый, он не тонул. Это было очень ответственное время добычи мяса на зиму, а также шкур на одежду. Поэтому собрание старейшин распределяло наиболее оптимальным образом охотников по кочующим семьям. Такая охота предполагала выслеживание стада. Самым простым способом было подловить группу оленей, которая забредала на озерный мыс. Тогда у его основания собирались женщины и дети стойбища, которые не давали оленям вернуться по суше, а с противоположного берега навстречу оленям выплывал на челноке охотник с ружьем или копьем. Колоть оленя разрешалось в почку, чтобы не портить шкуру. В августе–сентябре при наступлении темных ночей юкагиры сооружали в темноте около больших озер из кочек и земли длинные цепочки пирамидальных фигур, близких к человеческому росту, которые представляли коридор наподобие воронки. Своей узкой частью коридор выходил на берег озера. Днем строительство прерывалось, а олени на эти сооружения не обращали внимания. Когда такая аллея была построена, юкагиры под утро выслеживали стадо и гнали его в сторону аллеи. В тумане и полутьме олени принимали земляные фигуры за живых людей и мчались мимо них, в итоге оказываясь в озере. Навстречу им выплывали в челноках охотники с копьями. Старики наблюдали и прекращали забой, когда оленей было добыто достаточно [5, с. 85]. В Евразии такой же способ охоты в начале XX века практиковали еще нганасаны [7, с. 31–34]. На древность загонной охоты в тундре, вернее на определенную автохтонность юкагирского населения указывает тот факт, что этим способом не пользуются как ближайшие соседи юкагиров – эвены, пришедшие в тундру из лесной зоны, так и соседи нганасан – долганы. Такая охота предполагает участие специально обученных охотничьих собак, а эвены Нижней Колымы считали греховным держать в хозяйстве собак, полагая, что собаки изведут оленей [8, с. 60].

Другие виды промысла дикого оленя у тундренных юкагиров были характерны также для окружающего населения. Это, в первую очередь, касается "плавежей" – забоя оленьих стад на переправах через крупные реки во время сезонных миграций. Здесь юкагиры объединялись со своими обрусевшими собратьями, русскими старожилами, эвенами, тем более что часть этих точек находилась вблизи оседлых поселений.

Промысел на диких оленей при помощи домашних как транспортного средства – летом верхом, а зимой – на нартах юкагиры называют эвенским способом [8, с. 60],

хотя у него имелось и юкагирское название – пиридьизл [5, с. 91]. Принцип преследования заключался в том, что олени спасаются от охотника по кривой траектории, представляющей окружность с большим радиусом. Охотник же их догоняет, двигаясь им наперерез. Этот вид охоты, вероятно, был заимствован у эвенов, у которых имелось больше ездовых оленей, и получил распространение с увеличением числа домашних оленей.

Поздней осенью в период гона диких оленей по всей тундре от Таймыра до Чукотки начинался промысел дикого оленя при помощи оленя–манщика, который позволял охотнику подобраться близко к стаду, убить его вожака и, пользуясь возникшим замешательством стада, добыть еще нескольких. Для роли манщика выбирали домашнего оленя серой масти с большими ветвистыми рогами, по своему окрасу похожего на диких. У него на шею закреплялся длинный аркан, конец которого на лбу оленя имел костяной гребень. Другой конец был в руках охотника, который подкрадывался к стаду, заслоняясь манщиком. Охотник управлял оленем, натягивая аркан, и тогда костяной гребень врезался оленю в лоб. Или же охотник пускал арканом "волну". При этом охотник, чтобы не вспугнуть дикарей, надевал на себя дошку, сшитую из шкур схожей с манщиком масти. Манщика обучали не наступать на аркан, ложиться и вставать при рывке аркана, послушно поворачивать голову направо и налево и т.д. [8, с. 60]. После шести–семи лет обучения охотник отваживался выпускать манщика без ремня. Иногда практиковали охоту с двумя манщиками – самцом и самкой. Иногда – на пару с ездовым оленем (со снятым седлом), которого тоже специально дрессировали [6, с. 440].

Когда снег становился глубоким и пока еще оставался рыхлым, то возможности охотника для выслеживания и поимки зверя сокращались. Тогда, обнаружив тропу диких оленей, настораживали самострелы. Самострелы отличались хорошо различимыми знаками, чтобы их легко было отыскать и при этом не погнаться самому. Такая работа в глубоком снегу опасна, поэтому ей занимались лучшие охотники. Самострелы ставили по возможности ближе к дому, поскольку от долгого лежания в глубоком снегу убитый олень начинал преть, его мясо и шкура портились.

В лесной зоне дикого оленя, а также лося добывали весной, гоняя на лыжах по насту. Этот вид охоты практиковался как лесными, так и тундренными юкагирами. Он был удобен, поскольку у охотника было преимущество в скорости благодаря лыжам, которые не позволяли ему проваливаться в глубоком снегу.

В начале XX столетия в области расселения тундренных юкагиров почти не осталось дикого оленя. Это бедствие юкагиры связывают с появлением многочисленных чукотских стад домашнего оленя, которые стравили пастбища, где обитал дикий олень. В результате начавшейся бескормицы многие юкагиры и эвены, существовавшие охотой, отправились в пастухи к чукчам [2, с. 162].

С тех пор тундренные юкагиры перешли на крупнота-

бунное оленеводство чукотского типа. При этом, в основном, оленеводство продолжало играть транспортную роль также как и у эвенов. Количество оленей обычно было минимальным: от 2–3 до 10–20. Поэтому нередко при перекочевках имущество перевозилось со старого места на новое в несколько этапов.

Годовой цикл тундренных юкагиров делился симметричным образом: зиму проводили в лесу и колымских скалах, а к лету выходили в тундру, в конце июля добираться до побережья [8, с. 58]. Это подчеркивалось двумя основными праздниками: один устраивали в лесу после устройства зимних жилищ, а другой в тундре после забоя гусей [5, с. 72].

В марте начиналась перекочевка в лесотундру. В апреле в защищенных от ветра местах происходил отел оленей. Весна была одним из главных сезонов добычи диких оленей. В мае вслед за стадами диких оленей юкагиры выходили к озерам в тундру в бассейн низовий рек. При выходе в тундру большие группы разделялись на малые, и каждая кочевала отдельно по собственному маршруту к отдельным летним стоянкам. Там возле озер оставляли стариков и детей, которые занимались рыбалкой. Дальше происходило снова объединение, но уже людей молодого и среднего возраста. Одна часть выпасала домашних оленей, а другая часть занималась промыслом диких. В середине июля начинался короткий сезон промысла линного гуся. В нем принимали участие все юкагиры, включая женщин, детей и стариков. Основная пора охоты на дикого оленя наступала ближе к осени, когда дикие олени собирались в крупные стада и начинали постепенную миграцию на юг в леса. Следом за ними двигались и юкагиры. Одновременно с этим движением они продолжали ловить рыбу – подо льдом и на местах стоянок делали хранилища для добытой летом пищи – уже к весне. Зимой в лесу продолжалась охота на дикого оленя и лося, которого промысливали на островах Колымы.

Другим видом традиционного занятия была загонная охота на линных гусей, распространенная по всему Северу. Гусь, будучи питательным и жирным, в период линьки неспособен летать и неуверенно чувствует себя на суше. Поэтому его осторожно собирают с верховьев рек в крупную стаю. На одном из отлогих берегов огораживают большое прямоугольное пространство и перегораживают реку ниже, так что птицу без труда загоняют внутрь этого вольера, где сворачивают гусям шеи голыми руками. На устройство подобных вольеров употреблялись треноги и рыболовные сети, но поскольку у юкагиров их было немного, то сеть закрывали лишь сторону, обращенную к реке, а на две другие стороны вешали покрывки чума и одежду. В начале XX в. отличие промысла линных гусей у юкагиров от прочих северных народов заключалось в искупительном ритуале, исполняемого стариками перед началом забоя беззащитной птицы. Это была песня, исполняемая стариком или старухой, в которой они говорили гусям, что смерть подобна сну, и после смерти наступает возрождение. После песни каждый человек брал из соборной стаи по гуся и выпускал его на волю. Этот жест

был обязателен для всех, включая младенцев, за которых птицу выпускали их родители. Потом приступали к забюю. Последнего гуся тоже выпускали [5, с. 80–81]. Для добытой птицы в вечной мерзлоте устраивали ледяные погребки. Птицу при этом потрошили, но перья не снимали.

Когда же гуси только начинали нести и высидывать яйца, их ловили на гнездах либо петлей, либо руками. В первом случае петлю ставили вокруг яиц и тщательно маскировали, а охотник прятался поблизости с концом веревки, чтобы вовремя затянуть петлю, когда гусыня сядет на яйца. Ловля руками предполагала маскировку и закапывание самого охотника с раскинутыми руками чуть ли не под самым гнездом. Когда прилетала гусиная пара, охотник ловил сначала гуся, а поскольку гусыня без него не улетала, то затем и ее [5, с. 82].

С появлением русских у юкагиров важную часть их промысловой жизни заняла охота на пушного зверя, которая была средством для уплаты ясака, а также денежным эквивалентом в местных рыночных отношениях. Пушнина служила средством для приобретения чая, табака, оружия, пороха, дешевых тканей.

Соболь как наиболее распространенный из ценных пушных зверей исчез уже к началу XIX века. Для тундренных юкагиров основными пушными зверями были песец и лиса, для таежных – лиса и белка.

Уже при Иохельсоне на песца и лису ставили капканы, которые охотник проверял несколько раз в течение зимы. В тундре юкагиры выезжали на охоту на нартах, запряженных оленем. Задачей охотника было найти след, после чего он догонял зверька и убивал его дубинкой. Таежные юкагиры на лису охотились также с собакой, белку стреляли особой мелкой дробью, иногда на охоту вместе с ружьем брали также лук с тупыми стрелами – для белки. Самострелы в отличие от якутов ставили редко. Тундренные юкагиры также охотились на волка, эту охоту обычно вели вдвоем, на двух оленьих упряжках. Догнав волка, накидывали на него аркан [4, с. 551–553].

Способы пушного промысла были простыми: постановка пастей на лисицу, самострелов, разрывание лисьих нор, постановка капканов "черкан" на горностая и прочие. Охотились на белку винтовкой (кремневка) начиная с осени.

Важным для юкагиров оставалось рыболовство. При этом именно рыба спасала их от голодной смерти, и по сравнению с охотничьим это был более стабильный промысел.

Лесные юкагиры начинали рыбачить весной. Рыбу ловили удочками со свинцовым грузилом и железным крючком. В качестве наживы крючки обматывались красной ниткой. Более древним орудием была костяная спица с остро заточенными концами. Ее длина не превышала 8 см. Жильная леска привязывалась ближе к одному из ее концов. Спица втыкалась в маленькую свежеспойманную рыбку так, чтобы один ее конец чуть высывался наружу. Когда щука или нельма проглатывала рыбку, то конец спицы при потягивании становился поперек пищевода, и добыча была поймана. Такими способами

рыба добывалась лишь "для котла", то есть на повседневные нужды. Летом по речушкам и озерам ставили нитяные и волосяные сети. В прошлом использовались переметы с костяными спицами. Часть летней рыбы вялили, но большая часть ее сразу съедалась, поскольку основной ход рыбы начинался только осенью – в августе и сентябре. Тогда появлялись большие скопления чира и омуля, которые надо было обнаружить и окружить неводом. Этот способ назывался "черпанием". В прошлом у юкагиров на манер невода изготавливалась изгородь из ивовых прутьев. Один ее конец закреплялся на берегу, а свободный подтягивался к берегу, когда внутри скапливалась рыба. Так заготавливался практически весь зимний запас рыбы, составлявший от 5 до 30 тысяч штук омулей и 100–200 штук нельм в зависимости от хода рыбы и погоды [1, л. 69].

Добытую рыбу сушили и вялили, если она была крупной, а мелкую квасили в ямах на корм собакам. Впрочем, в голодное время квашеная рыба выручала и людей. Икру сушили отдельно. Поздней осенью перед замерзанием рек юкагиры ставили на реках заезды с мордами из ивняка или нитяные мережи. В октябре–ноябре рыбу ловили уже подо льдом волосяными сетями, протаскивая их через проруби. Улов замораживали.

Транспортным средством служили ездовые собаки. Кочевая жизнь у лесных юкагиров происходила с февраля по июль. Выход в кочевье был связан с окончанием зимних запасов рыбы и мяса. Кочевой сезон был ориентирован на охотничий промысел: диких оленей, лосей, зайцев и куропаток, весной добавлялись перелетные птицы. В июле начинался ход рыбы, который заканчивался поздней осенью. Рыбные места по рекам были известны. На таких местах семьи оседали на время рыбного сезона. После окончания рыбного сезона юкагиры перебирались на место зимовки – в рубленые избушки.

Однако эти промыслы не всегда могли обеспечить юкагиров продовольствием. Потребность в привозных товарах вынуждала отдельные семьи заниматься изготовлением на продажу гребных лодок и челноков, пошивом меховой одежды и обуви. Этот облик хозяйство лес-

ных юкагиров приобрело, видимо, в XVIII в., когда они восприняли от русских технику изготовления лодок, плотов. Тем не менее, весенние голодовки затрагивали даже наиболее благополучные семьи.

Юкагиры строго соблюдали обычай хартаат (у тунгусо-маньчжурских народов – нимат). Суть его заключалась в том, что охотник свою добычу отдавал старикам стойбища, и они ее распределяли уже по своему разумению. Согласно наблюдениям В.И. Иохельсона, у охотника оставалась голова и шкура оленя или лося [4, с. 184]. Дележом добычи занимались специально выбранные люди, "распределители". Так у тундрового рода Алаев на 7–8 хозяйств выбирали одного–двух распределителей. Свои действия они исполняли согласованно друг с другом круглый год. Если добычи было много, например, во время осеннего забоя оленей, то в помощь им выделялись люди. У каждого распределителя имелась специальная палочка с несколькими гранями – по числу семейств, которых он опекал. На этой палочке он делал соответствующие нарезки, отмечая, какой семье сколько было выделено добытых оленей [5, с. 64].

Сохранялись охотничьи обычаи, исполнялись соответствующие ритуалы и обряды. Основой традиционного мировоззрения оставался принцип достаточности – не брать от природы сверх необходимого.

Таким образом, в начале XX в. у юкагиров сохранялось традиционное хозяйство, характеризующееся кочевым образом жизни, примитивизмом способов и методов промысла, натуральным товарообменом, традиционным мировоззрением. В некоторых районах наблюдалось уподобление их хозяйства традиционному производству эвенов и чукчей.

В условиях тяжелого ясачного бремени, сокращения территорий хозяйствования, роста конкуренции промысловиков с более современными орудиями, проникновения капиталистических отношений, усиления ростовщической деятельности и др., традиционные промыслы уже не могли обеспечить нормальное существование. В начале XX в. юкагиры, несмотря на принимаемые меры, находились на грани вымирания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Магаданской области. Ф.Р–50. Оп.1, д. 17, л. 69.
2. Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // Живая старина. – СПб, 1900. – Вып. 1–2. – С. 151–193
3. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.
4. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
5. Крейнович Е.А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX–XX в. // Страны и народы Востока. Вып. 13. – М., 1972. – С. 56–92
6. Плужников Н.В. Юкагиры // Народы Северо–Востока Сибири. – М., Наука, 2010. – С. 656–676.
7. Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1. Материальная культура. // Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. III. – М.–Л.: , 1948. – 116 с.
8. Юкагиры. Историко–этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.